

18+

Миша Токарев
*Полтергейст из березовых
фотообоев*

Миша Токарев

Полтергейст
из березовых фотообоев

«Издательские решения»

Токарев М.

Полтергейст из березовых фотообоев / М. Токарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553108-7

Вчера было двадцать четвертое сентября, вчера я дописал этот сборник. А потом пошёл на кухню и начал пить кефир. А потом подумал, а как мне этот сборник назвать целиком. Пил свой кефир и перебирал в уме возможные названия, чтобы они звучали как-то таинственно или вроде того. Вспомнил, что с кефиром лучше всего есть булочку с маком, посмотрел в холодильнике, но там не было булочки с маком, не было вообще никаких булочек. В холодильнике не было названия для этого сборника мистических рассказов.

ISBN 978-5-00-553108-7

© Токарев М.
© Издательские решения

Содержание

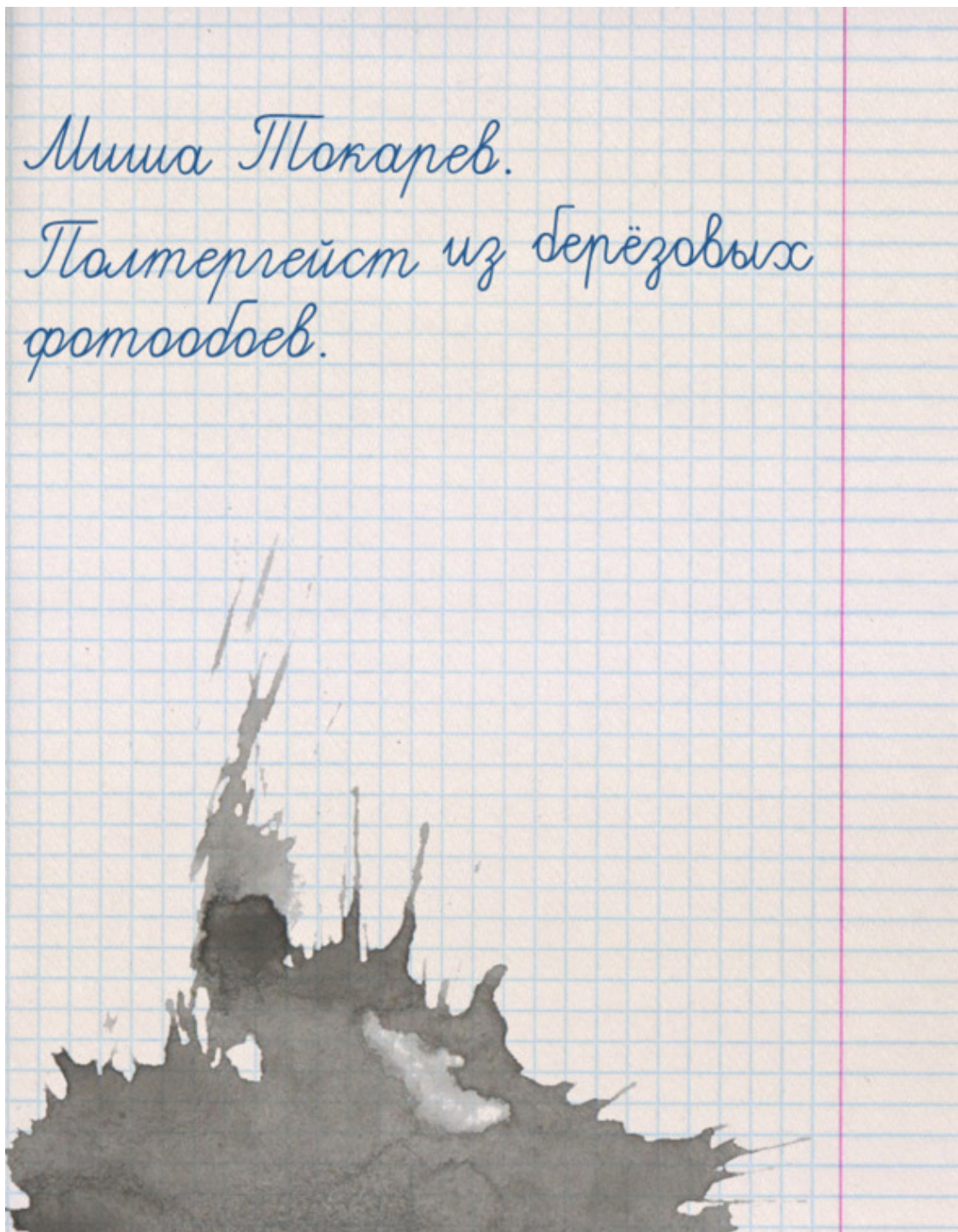
ПОЛТЕЙРГЕЙСТ ИЗ БЕРЕЗОВЫХ ФОТООБОЕВ	6
Предисловие	7
Это он, это он, это экзорцист	8
Когда я был еще космонавтом	10
Валера, это чё, тушь?	12
Полтергейст из березовых фотообоев	14
И тогда мы пошли смотреть щеночков	16
Буратино для бабушки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Полтергейст из березовых фотообоев Миша Токарев

© Миша Токарев, 2021

ISBN 978-5-0055-3108-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

пожертвования миша токарев 2202 2015 0894 5157 сбер

ПОЛТЕЙРГЕЙСТ ИЗ БЕРЕЗОВЫХ ФОТООБОЕВ 2020

Оглавление

Предисловие.....	4
Это он, это он, это экзорцист.....	6
Когда я был еще космонавтом.....	9
Валера, это чё, тушь?.....	13
Полтергейст из березовых фотообоев.....	16
И тогда мы пошли смотреть щеночков.....	19
Буратино для бабушки.....	22
Авоська с твоими кубиками (повесть)	29
Утренник на фотографии.....	44
Только манка и ничего кроме манки	47
Передозировка ромашковым чаем.....	50
Поцелуй в 100 рентген (повесть)	56
Эти тараканы не знают, что такой дихлофос.....	71
Пупупупупупу.....	74

(Заключения не будет, это же всего лишь рассказы и две повести)

Предисловие

(в самом начале книги это моё вступление должно придать какую-то серьезность всему, что вы читаете дальше, по крайней мере, в разных других книгах это происходит отчасти поэтому).

Вчера было двадцать четвертое сентября, вчера я дописал этот сборник. А потом пошёл на кухню и начал пить кефир. А потом подумал, а как мне этот сборник назвать целиком. Пил свой кефир и перебирал в уме возможные названия, чтобы они звучали как-то таинственно или вроде того. Вспомнил, что с кефиром лучше всего есть булочку с маком, посмотрел в холодильник, но там не было булочки с маком, не было вообще никаких булочек. И самое главное: в холодильнике не было названия для этого сборника мистических рассказов и двух повестей. Если подумать, то размер текста в одиннадцать страниц или в двадцать тысяч знаков для меня самая настоящая повесть. Хотя для кого-то это всего лишь длинный рассказ. Тогда таких длинных рассказов в этом сборнике всего два, остальные рассказы не такие упитанные, они, скорее дистрофики, эти остальные рассказы.

И вот я допиваю свой кефир, мою кружку, кружка от мыла скользкая, она у меня из рук выскользывает. Летит, разбивается, ручка откололась, а ручка у меня вы бы видели какая. Она у меня в виде кошачьего хвоста сделана, и этот хвост отламывается в первую очередь. Кого тут винить, моющее средство, дядю Васю или кого-то ещё? А я вам скажу, что никого винить не надо, значит, судьба у моей кружки такая. В жизни происходит столько всего, что от нас не зависит, замучаешься каждый раз искать виноватого. Собираю осколки, смотрю на фотообои на стене с березами. И думаю: ну, да, винить кого-то всегда проще, труднее признать свои ошибки, исправиться и всё такое прочее. Выкидываю осколки в мусорное ведро, продолжаю думать про себя, не вслух же мне думать, мама не любит, когда я сам с собой разговариваю. Назову-ка я весь этот сборник «полтергейст из березовых фотообоев». Долгое время я винил в наших семейных происшествиях этого полтергейста, а когда он действительно показался, мне совершенно расхотелось его винить. Знаете, этот полтергейст не заслуживает, чтобы его винули просто потому, что он не такой материальный, как я или вы.

Нормальное название, не придумывайте, сейчас начнется: Миша, мог бы нафантазировать лучше. Миша, что за детский лепет. Миша, смотри, какое я название тебе придумала. И прочее, прочее. Хорошо – скажу я вам – название следующего сборника я обсужу предварительно с тобой, с вами, с тобой и ещё вот с тобой. А пока в наличии только это название. Приятного прочтения и душевного равновесия (мне кажется, желать душевного равновесия очень благоразумно в этом нестабильном и болезненном для всех 2020 году). Всем салют, с вами чёрный пионер Миша Токарев.

Это он, это он, это экзорцист

Я собрал себя в тетрисе, и пошел пить кефир, но хотелось, конечно, выпить молочка. Вот, если бы в кефире был сахар, тогда он являлся бы приятным напитком, но это кому как. Вот лично мне сейчас кефир без сахара не особо-то и нравится. Хотя по существу я люблю и кислый кефир, ты не подумай, что я какой-то там привереда или избалованный, а тебе нравится ли вообще слушать о кефире без сахара? Вот, если бы из стакана сейчас вылезла кефирная фея, деликатно вышагивая по кромке стола, проследила до холодильника за моими слегка, где-то на пятьдесят процентов от нормы нервными шагами. А потом, прикинувшись не заинтересованной в том, что же я там достаю из холодильника, уставилась на свое полупрозрачное платьице. Это было бы веселее, и мне бы даже не пришлось собирать себя в тетрисе, и ломать кубик, а то он, знаешь ли, с трудом протискивается между параллелепипедом и пирамидой.

Тетя Инга там из коридора сейчас кричит: Миш, ты опять с собой разговариваешь, что мама говорила на этот счет? Я ей кричу, ну, не прямо кричу, а сгорбившись: нормально, какие наши годы! Потом вспоминаю о том, что эти слова относятся к тем, кто ощущает себя полным энергии и душевного здоровья. А в последнее время мы с тетей Ингой таковыми не ощущаем. И дело тут не в экологии или, представьте себе, апатии в связи с осенью или весной или зимой, хотя зимой какая апатия, новый год же. Нет, дело тут должны вести Колобки, в последнее время частенько об этом задумываюсь. Мы живем с тетей Ингой вдвоем вот уже два года. На улице Шмидта в доме пятнадцать, квартире номер девять или десять, номер меняется раз в два дня. Почему это происходит, мы уже знаем, а вот ты не знаешь. Возможно, тебе даже не хочется этого знать, поэтому самое время допить мой кефир, в который я, между прочим, уже положил сахар, целые две ложки, и прекратить слушать дальше. Между тем, тетя Инга шипит в душевой, но мы-то взрослые люди, и понимаем, что шипит кран, Инга пришла с работы и очень устала, шипеть у нее – нету сил. Вот сейчас она выйдет из душа, опоясавшись полотенцем в тонкую синюю полоску повдоль полотенца, и начнет читать вслух псалтырь, и побрызгивать по углам святой водой.

Моя тетя не сумасшедшая, она у меня диспетчер в депо, и благодаря ее внимательности и профессионализму поезда ходят между городами всегда по расписанию, предназначенному для этих самых поездов. А мои родители уехали в Африку два года назад. Вот, посмотри на эту фотографию, вот папа, хорошие усы, правда? Такие густые, даже глаз почти на разобрать, он археолог, а мама переводчица. Ну, глядя на папу вполне можно сделать выводы о его профессии, но вот мама. Смотрит незнакомый человек на нее, и говорит: это что за актриса, что-то я такую не знаю, подскажи, как ее звать. А я и говорю, это моя мама и она переводчица с древних языков. Правда, ее называли актрисой всего раз, и то это была одноклассница Яна, с которой мы занимались лабораторной работой.

А что такого, лабораторная и лабораторная, ничего такого магического, чистая наука. Магическое у нас случилось, когда шкаф ночью с 5 декабря на 6 января этого года начал по линолеуму ездить сам собой. Потом надписи стали появляться на зеркале в ванной, углем нацарапанные. Писали такое обычно: кто съел собаку, просьба не беспокоить. Неделю писали, каждую ночь, затем прекратилось. Сейчас вот номер нашей квартиры с девятки на десятку раз в два дня переменяется. Я ко всему этому очень привык, мне даже иногда вибрации приятные чувствуются. Знаешь, как будто у трансформаторной будки стоишь, и волосы на теле шевелятся, и мурашки туда-сюда, туда-сюда. Инге, маминой сестре это жуть как не нравится. Она стервенеет, сама так говорит даже, так что я ничего не преувеличиваю. Хотя и знаю, что ей страшно, иначе псалтырь не читала бы и водой не брызгала. Или брызгала бы, женщины такие сложные, особенно, когда они тети.

Ну, что, допил мой кефир, тогда пойдем спать. В дверь звонят, кстати. Поздно уже, кому там открывать. Это ко мне, это ко мне – говорит тетя Инга, и бежит в халатике с желтыми обезьянами к двери. Ну, если к тете Инге, тогда не ко мне, и ничего, гостей я не ждал уже, поздно. Но краем глаза все же замечаю, кто на пороге стоит, а вот уже и зашел. Поздоровался, тетю в щечку: чмок. Обувь снимает, меня по голове потрепал, на кухню идет, ну, пусть идет. Этот человек – говорила тетя Инга – ее коллега по работе, который занимается паранормальными вопросами. Наверное, он нам сейчас поможет. Главное, чтобы помогал он не слишком громко, нам завтра с Яной к новой лабораторной работе готовиться в девять утра. Так что режим сна никто не отменял. Самое главное, я собрал себя в тетрисе, теперь можно и поспать.

Когда я был еще космонавтом

После белых снежинок, которые кружатся с утра, телевизор начал показывать криминальную Россию. И я рефлекторно стал засыпать. Это своего рода такая традиция у меня, прикрывать слипающиеся глазки в то время, когда начинает лаять собачка под звуки оркестра. Она лает совсем не агрессивно, дедушка в соседней комнате покашлял и прибавил громкость, чтобы своим кашлем не волновать мою маму. Но она все равно волнуется и бежит к нему в комнату, заглядывает ко мне. Заяц, ты почему не спишь, ну-ка спать, завтра на утренник рано – улыбается мама, а потом и я улыбаюсь, укрываясь одеялом с мишками с головой. И мне, действительно, завтра идти на утренник. А этот утренник, как я представляю, будет не хуже песни про белые снежинки, которые пели ребята в детском саду перед криминальной Россией.

И я почти засыпаю, представляя, как миллионы планет бороздят триллионы вселенных. Представляя, что снег за окном и свет из-под двери в коридоре это лучи, которые уносят меня на орбитальную станцию. А над головой взаправду жужжит муха. И я не очень понимаю, как она смогла выжить при минус сорока. Такая температура вроде была сегодня утром на термометре у нашего консьержа. И вот эта муха, она в какой-то степени мамонт или тираннозавр или даже трицератопс. Потому что это надо уметь, восстать из вечной мерзлоты и сохранить свой рассудок и моторику в состоянии боеготовности. Она ползет по моей шее, делает так: бжжии, бжжии. И мне совсем не хочется ее убивать. Из комнаты слышится: по горячим следам был задержан маньяк. Я вскидываю руку, и муха кончается. И я засыпаю совсем.

Мама треплет меня по голове и говорит: браылльулщльь шмкуо сзшле – очень ласково говорит и, похоже, хочет, чтобы я вставал. Но слова не очень сплетаются в мысль, я разбираю только: на утренник опоздаем. И эта фраза действует гипнотически. Я подрываюсь скорей умыться. А вода холодная, очень холодная. От холодной воды я просыпаюсь окончательно. Интересно, можно ли проснуться не полностью и функционировать целый день. На кухне дедушка читает газету и желает мне доброе утро. Доброе утро, мама и дедушка – говорю всем присутствующим на кухне. А потом мы едим гречневую кашу с молоком, от которой у меня изжога, но это все пустяки и неважно. Мама сшила для меня костюм космонавта. Там еще на скафандре настоящее стекло. А еще там за спиной ранец с трубками, это, чтобы воздух поступал, когда выходишь на орбиту.

Горе ты мое, это левая штанина – говорит мама, когда я путаюсь в колготках. Они колючие и очень синие, более синие, чем положено быть колготкам для мальчика. Дедушка стоит в прихожей, весь такой гладко побритый, нас провожает. Мама почти одела свою дублёрку. Мам, а ты эту лисицу убила? – спрашиваю зачем-то, хотя какая разница, кого она там убила или нет. Заяц, что за вопросы, никого я не убивала, ну-ка, одевай комбинезон. И я залезаю в свой комбинезон, хотя его цвет мне тоже не нравится. Ну, что ты возишься – проявляет нетерпение, граничащее с раздражением, мама. Мама, ты меня не любишь? – спрашиваю я напрямик. Ну, что ты опять несешь, пошли, опоздаем – поторапливает мама. И мы выходим.

Когда мы выходим на улицу, мы выгядим, наверное, забавно. У меня не видно лица, шарф из верблюжьей шерсти закрывает нос, рот, щеки и всё такое. А ещё комбинезон сковывает движения, поэтому мне приходится семенить за мамой. Она вся такая длинная, и ходит очень быстро, потому что мы опаздываем на утренник. Проходим большую елку на площади, возле которой сидят дяденьки с грустными лицами. Их лица выражают вселенскую скорбь. А вот у нашего садика лица людей уже не выражают вселенскую скорбь. Подъезжают машины, из них выходят дети с родителями. Вон идет Тая с мамой, а вон Толя с братом. А я иду с мамой, у которой в пакете мой костюм космонавта, настоящий костюм. И поэтому я улыбаюсь.

Мама передает меня воспитательнице Изольде. Она собирает нас в гримерной, но это совсем не гримерная, а просто задворки актового зала. Тут есть снежинка, пират, баскетболист

и много, кто еще. А я надеваю скафандр, чтобы все понимали, что я космонавт. Ой, а кто это такой милый у нас космонавт? – удивляется Изольда. У нее в сережках жуки скарабеи, я видел фильм мумия, там такие жуки съедали людей очень быстро, без шума и пыли. Вернее пыль была. Я ничего не отвечаю Изольде, и она переключает свое внимание на Таю снежинку. Потом спрашивает у всех нас: все свои слова помнят? И песню не забыли? Все отвечают, что помнят, но мальчик Саша-пожарный не отвечает, у него заикание, и поэтому он в основном молчит.

И когда мы поем эти белые снежинки, которые кружатся с утра, в зал заходит дед мороз и Снегурочка. Дедушка похож на изображения советских дедов морозов, которые были в какой-то старой передаче. Там еще говорили, в этой передаче, что дедушка мороз красил свои щеки свеклой, чтобы показать румянец. А Снегурочка там выступала в роли скомороха или это уже не та передача, я не помню. И вот мы читаем свои стихи. Тая говорит про зайчика в лесу и в снегу, она же снежинка. Родители щелкают всюю своими фотоаппаратами. Вспышки света, дед мороз с этим посохом тут еще говорит Тае: внучка, не слышу! Снегурочка ему вторит: дедушка совсем старый, дедушка не слышит. Видели бы они старого дедушку, вот мой дедушка старый, а это, что, тоже мне старость. Потом читает Саша-пожарный, читает он долго про Африку и бананы. Видно, что Снегурочка заскучала. Она внимательно смотрит по сторонам, но опускает глаза, когда встречается взглядом с кем-то, потом опять так смотрит. Я это вижу. Дедушка говорит: молодец, Сашенька, вот тебе подарок. И вручает Саше-пожарному красный мешочек с конфетами и мандаринами. А потом кричит, как резаный: а теперь хоровод!

Мы все такие нарядные в костюмах ходим вокруг елки и поем про маленькую елочку, которой холодно зимой. А Снегурочка все посматривает оценивающе по сторонам. И сложно угадать, что у нее на уме. Своим чутьем космонавта я понимаю: Снегурочка замышляет что-то плохое. И вот дедушка снова кричит, но уже более сдержанно: а теперь родители выходят, чтобы дети показали им фокус! Я думаю: какой еще такой фокус. Не успеваю озвучить свое сомнение по поводу того, стоит ли мне показывать им какой фокус, как родители, понимающе улыбаясь, выходят из актового зала. Изольда выходит с ними, оставляя нас наедине с дедушкой и Снегурочкой. Она говорит всем нам: а теперь, ребята, я завяжу вам глазки, чтобы дедушка мороз совершил свое волшебство. Я возражаю ей: неужели для волшебства нужно завязывать глаза? Она как-то раздражительно и нехарактерно для Снегурочки говорит: да, мальчик, без этого не будет настоящего новогоднего чуда. Нам завязывают глаза бархатными тряпками, от которых почему-то пахнет соляжкой, как у моего дедушки в гараже. Начинает играть музыка.

Минут пять мы стоим, но совершенно ничего не происходит. Заходят родители, слышно, как они что-то обсуждают. Потом кричит какая-то женщина: Саша, Саша, где мой ребенок! Другой женский голос ей кричит вместе с первым голосом: Тая, где моя девочка, доченька! С меня срывает повязку моя мама и крепко обнимает. Очень крепко, к тому же еще ее начинает трясти. А потом мы идем домой, я спрашиваю: мама, а как же подарок. Но мама ничего не говорит, лишь упорно ведет меня к дверям актового зала. Сквозь шум множества голосов и криков я слышу, как Василиса спрашивает своего папу: а где дед мороз и Снегурочка? А потом слышу, как на Изольду начинают кричать родители: где наша дочь, кто были эти люди, вы в своем уме и так далее и тому подобное. Но мама выводит меня в гардероб, мы одеваемся и уходим домой. А я так и не получаю свой мешочек с мандаринами и конфетами. Сашу с Таей вроде бы так и не нашли по сей день.

Валера, это чё, тушь?

В оконцовке нас затопили дрозды сверху. А тут еще Валера намазался тушью и ходит такой по коридору и непонятно говорит. Валера, ты нормальный или нет вообще? Давай лучше пойдем за эту Атлантиду качать. Валера говорит, что русалок не видели. Я немного не улавливаю нить и такой: прямо русалки, как в быличках? А он дальше мне говорит в своем костюме тройке такой деловой: мы росли на другой литературе, нам к этой уже не привыкнуть никогда. Прямо никогда, никогда? – подначиваю его. Он ничего не отвечает, потому что с потолка закапала вода и у Валеры потекла тушь. Он ее так странно намазал волнистыми полосками на щеках. Он, наверное, что-то хотел сказать этим жестом. Ну, молодец, если что-то нормальное, «нормального» нам как раз и не хватает.

Премся к соседям сверху по подъезду, Валера достал зачем-то из кладовки трубку от пылесоса. Пылесос сам называется Циклон. Наверное, с этой трубкой мы будем выглядеть увереннее в предстоящем диалоге. Ну, в исходе этого диалога. Вернее в том, во что выльется еще сегодняшний вечер. Хотя, куда ему выливаться ниже уровня нашего пола. Хотя под нами еще подвал. А в подвале живут только кошки. Валер, прикинь, мы сейчас спасаем кошек, которые живут в подвале. Говорю ему, когда поднимаемся по лестнице к соседям. Он останавливается и прислушивается к своим мыслям с этой трубкой от пылесоса. Потом мы поднимаемся дальше, проходим еще два пролета. С меня спадают очки, и они под углом падают на пол. И то, что они падают на пол это несерьезно, а вот, что разбились, это весьма печально. Валера тянет меня за рукав халата выше. Да куда ты тянешь, у меня очки разбились, надо вернуться, поменять. Потом поменяешь, надо идти, нас уже ждут. Да кто тебя там ждет, надо звонить в милицию.

На десятом пролете силы оставляют меня с носом, а Валера ничего, бодрой походкой идет все выше и выше. Он занимался в школе легкой атлетикой. А насколько я помню, когда занимаешься легкой атлетикой, там и выдержка опять же, а также выносливость на высоте. Ты, когда занимался легкой атлетикой, в школе еще? В школе, в школе, а куда мы идем? Спрашивает Валера, но он тоже устал, это слышно по слабому хрипу из груди. Дык к соседям, выяснять за протекший потолок, мы же вот пошли за этим как раз. А, ну так пришли уже. Стоим за дверью, звонка не наблюдается. Поэтому приходится стучать. Мы стучим в эту дверь. Она такая, обитая дерматином. Какое странное слово.

Постучали еще несколько раз. Затем постучали трубкой от пылесоса. В конечном итоге поскребли по дерматину, мало ли, какие варианты возможны. Дверь, кстати говоря, оказалась не запертой. Она свободно распахнулась, когда мы ее распахнули. В квартире пахнет залежавшейся макулатурой. Такой запах сопутствовал сбору разных старых газет и книжек, которые мы собирали в школе, соревнуясь, кто больше килограмм способен принести. Мне очень нравился этот запах. А вот в этой квартире он нравится мне вдвойне. Потому что к нему примешался дух некой выпечки. Сытный такой.

У них в квартире тоже протекло, подтеки сплошные по плинтусам. От самой ванны влажные кляксы, ведущие к комнате. Мы решили сначала зайти на кухню, взглянуть, что же это так аппетитно пахнет. Но потом поняли, что это невежливо в гостях идти сразу на кухню. Соседи, мы пришли, если есть, кто живой, отзовитесь! – обозначил я наше присутствие. Но соседи не спешат с ответом. И тогда мы идем в комнату, к которой ведут бусинки мокрых следов. В самой комнате по периметру стоят стеллажи с книгами. Книги лежат на полу стопками. Стопками на полу лежат газеты. У окна в кресле сидит голая женщина. Описывать эту миловидную женщину я бы не хотел, потому что ее нагота принадлежит только ей. А в случае описания ее обнаженного тела, ее нагота станет достоянием общественности. И, возможно, ей будет неприятно.

Кажется, что соседка спит, но соседка не спит или спит с открытыми глазами. Глаза у нее поблекли. А сама она, несмотря на привлекательность тела, вызывает во мне желание ее накормить, одеть и уложить спать. Но чтобы глаза обязательно были закрытыми. Валер, смотри, у нее тоже тушь волнами на щеках, это ты зачем мазал себе так? У вас, что, культ какой-то? Надо милицию вызвать – говорит Валера, как будто не расслышав моего вопроса. Или не хочет отвечать на мой вопрос. Темнит наш Валера, ох, темнит. И мы набираем 02 перед тем, как закрыть текущие краны. Потом, перепрыгивая лужи, заходим на кухню, где так аппетитно пахнет выпечкой. Беляши, целая тарелка беляшей. Аппетитных таких. Учítывая, что мы всего лишь гости, мы едим ровно по одному беляшу и ни беляшом больше. Правда, вспоминаем о том, что в подвале наверняка голодные кошки, берем еще по паре беляшей, а затем идем спасать этих самых кошек в подвал.

Полтергейст из березовых фотообоев

Из фотообоев, где березки вылазят черные тени. И я думаю еще о том, что это неправильно, прерывать наш вечер на полуслове. Ты почему сидишь такая спокойная, не видишь, из березовой чащи к нам лезет не пойми кто. Она говорит: это у тебя давно уже лезут, а у меня никто не лезет, ты попутал или что. Нет, ты посмотри, они уже плодятся, как будто такие щупальца теньевые, вон, пошли по потолку к нам. Миша, я не намерена участвовать в этих игрищах – она мешает поварешкой гороховый суп. Говорит: сейчас придет моя мама забрать у тебя видеоманитофон, потому что кое-кто его не вернул, как обещал. И я бы рад сказать ей, что всё у нас будет хорошо, и что манитофон я верну. Но тут такое дело с этими сущностями из стены, что я даже и не знаю, как нам быть дальше.

Чего затих, подай парочку лаврушек там – она, кажется, совсем не волнуется о нашей судьбе. Что с нее взять, с такой материалистки, учительницы старших классов. Там, в старших классах, поди, вырабатывается иммунитет к подобного рода приколам. А то, что у нас полтергейст это нормально и ничего не значит. Я подаю ей лаврушку, а тени от берез набухают, как крошки хлеба в кефире. Они уже не щупальца, по сути, они уже переплетенные пепельные языки. Много-много языков, равномерно бегущих от самых верхушек деревьев. Ты чё мне даешь, я же просила лаврушку, а не мяту! – кидает она мяту в меня. А мята не успевает приземлиться на пол, потому что на половине пути к полу она возгорается. И спустя мгновение на пол опускается пепел. Ты видела?! – вскрикиваю. Она поворачивается и смотрит на меня, совсем как на дебила. Видела что? Ладно, сама возьму – берет листики из шкафчика.

Берет она эти листики, а над головой у нее нависает другая голова. Некий, как будто бы контур, у которого разинута пасть прямо над ее рыжей макушкой. Хочется сказать ей: звони, нахрен, в милицию. Но на деле я впадаю в ступор, такое у меня уже было, когда я бежал от стаи собак, а потом в меня стрелял солью сторож на кукурузном поле. Хочешь закричать, но можешь только беззвучно пускать ртом пузыри. И я стою, такая камбала, и мычу ей, чтобы она уходила. И она понимает, тут что-то не так. Ты чего, все нормально у тебя? Видишь, я сама взяла, не волнуйся. Контур головы втягивается кастрюлей, но тени по-прежнему на потолке и на стенах. Меня хватает на то, чтобы прошептать сбивчиво: бежим. Беру ее за рукав халата и тяну в сторону коридора. Она не сопротивляется, похвально с ее стороны. Нам надо свалить побыстрому, да и всего. Тут стоит уже вопрос жизни и смерти, а не какие-то бытовые глупости.

В прихожей падают вещи. Наши лыжи с антресолей, полка с одеждой, прочие штуки. Она обеспокоена тоже, еще бы, надо было верить в меня с самого начала нашей совместной жизни, теперь не плачь, что не успеем. В кладовке включается пылесос, а он не должен включаться, потому что этот пылесос еще восьмидесятых годов и в тех же восьмидесятых он и сломался. Миша, что же это такое делается? – включает она причитающую старую бабку. Давай еще попричитай, только этого нам для счастья и не хватает. Мы маневрируем между падающих предметов, но все равно оказываемся отрезанными от входной двери. Давай к окну! – даю ей четкие инструкции по дальнейшим действиям. Там же четвертый этаж, разобьемся! – протестует, теряя тапочек. Протестовать в другом месте будешь, к окну давай, пересидим на карнизе. В дверь раздается звонок и все остальные звуки резко стихают.

Зачем она звонит, если у нее есть ключи? Это твоя мать, похоже – говорю. Похоже. Не мать, а Ксения – поспешно исправляет меня. Заходит Ксения. К чему тогда было звонить в дверь, если открываешь в следующую секунду ключами. Может быть, это чувство такта? Да, нет, там нету чувства такта. В любом случае Ксения нам не помешала бы. Мы обычно ничем особенным не занимаемся. Здравствуйте, Ксюша – улыбаюсь ее матери. В данном случае я действительно рад ее видеть. А что вы здесь учинили? – пялит Ксения на нас свои глазки. Даа, в свои сорок пять Ксения выглядит очень привлекательно. Порой мне кажется, эта ее привле-

кательность и раскрепощенное поведение в мою сторону толкнут меня на романтические действия. А это не очень красиво по отношению, сами знаете, к кому. Ксения снимает свой плащ, в правой руке у нее сложенный зонтик. Она не знает, куда это все добро положить, осматривает заваленную вещами прихожую. Сгружает зонтик и плащ на тумбочку.

Мама, поможешь нам убраться, мы потом все расскажем – говорит она своей матери. Я согласно киваю. Ксения нам говорит: куда я денусь, луковички вы мои. Скидывает свои резиновые сапоги. Женщины идут на кухню, чтобы выключить суп и наметить план дальнейших работ по уборке. А я замечаю над головой ее мамы еще одну голову. У меня ступор, ну, вы знаете. Но голова, вернее силуэт всасывается в голову Ксении. Она поворачивается ко мне и хитро подмигивает, уходит за дочкой на кухню. И я понимаю, нужно выйти на улицу, самое время подышать свежим воздухом и прийти в себя от этой семейной жизни и полтергейстов.

И тогда мы пошли посмотреть щеночков

Меня приглашает патлатый господин посмотреть щеночка у него дома. Но я понимаю, что эта неказистая уловка признак недалекого ума. Дяденька, у вас, похоже, ум заходит за ролики или вроде того. Кто же так заманивает к себе домой – говорю ему, а сам высмаркиваюсь в свою шапку, самую любимую со Спартаком, оттого и высмаркиваюсь, чтобы эта шапка не досталась ребятам из коррекционного класса. Да, у нас, когда стали совмещать группы продленного дня, так начало моросить и обстановка в коллективе накалилась. Они тоже в седьмом классе так-то учатся, но почти всем им по 16 лет. Да, они же отстающие – я как-то раз так сказал, а меня потом Жанна Ивановна наругала, сказала: они просто дети с особенностями. (И быют они по-особенному, конечно). Мы где живем-то, в тюрьме или что вообще? В носок мыло пихать, умудрились додуматься. Вот тогда на потрескавшемся кафеле в школьном туалете я понял, что быют они по-особенному.

А у меня, знаешь, каких щеночков Герда родила, закачаешься! – трет этот шнырь сейчас на заднем дворе книжного магазина. Я очень люблю разные книги, главное, чтобы они были про жизнь. Сейчас нашел одну такую на задворках нашего книжного, там, бывает, что оставляют бесхозные на картонных ящиках. Книга называется Борис Ельцин: от заката до рассвета. Взял её и хотел пойти домой, у меня дома эклеры ещё со вчерашнего дня остались. С кефиром их навернуть, милое дело. А тут этот дядька цепляется. На пальто у него значок звезды, а рядом значок пацифизма. Это у тебя, дядя, тяга к гомосексуализму, что ли? – спрашиваю его, а сам шажками в сторону своего дома отступаю. А вот оскорблять, молодой человек, не надо, я же с душой – говорит он очень жалостливо и смешливо, потому что его ШЭ в слове душой выходит похожей на дырявый смеситель. И я отвечаю, лишь бы он не расплакался еще: пойдём, покажешь щеночков. Может, от этого человеку легче станет, а от меня не убудет.

Отвратительная погода в доме у Валентина, этот дядька так представился мне. В подъезде пахнет разварившимися клецками. Они, кстати, лежат у батареи, а сверху блестит бульон. А кошка, рыжая в черную крапинку, слизывает эти склизкие медузы. Вроде бы цвет у стен такой же, как в нашем доме, но, как посмотришь на них, так наваливается непонятная грусть. Да, те же две полосы, верхняя, это побелка, низ – скисшая синева. Мы поднимаемся с Валентином по лестнице. И к лестнице у меня нареканий нет, обычная лестница. Сейчас таких щеночков покажу, пришли – тараторит Валентин и звенит ключами, открывая свою дверь. Из глубины квартиры выходит женщина в розовых лосинах с половником наперевес. О, Валя, у тебя сегодня юный гость – говорит тётка и лыбится всем своим полупустым ртом. А за моей спиной закрывается дверь, и нервно щелкает замок.

Ну, и где твои щенки, уважаемый – сглатываю потяжелевшую слюну. И мне кажется, что падение этой слюны слышат все соседи в этом доме. Так они там, в ванной, там тепло им, ты пойдёшь, посмотри – снимает пальто Валентин, а под пальто у него толстовка с черепом на весь перед. Вот и пацифизм, вот я влип – думаю, а сам говорю ему: а ты знаешь, как Лев Толстой связан с толстовкой? Женщина эта еще тут вертится: какой начитанный мальчик, ну, проходите, сначала суп или щеночков посмотришь? Суп будешь? – поглаживает меня по голове Валентин. А я ловлю страшную панику и прыгаю от него в сторону, натываясь на женщину. Тетечка вскрикивает, цепляется мне в плечи. Корова! – отчаянно кричу со страху, и зарываю в голову книжкой. Она падает на пол. Сзади Валентин чем-то тычет мне в шею. Он тоже падает, они оба на полу всего лишь мгновенье. Этого времени достаточно, я бегу в открытую комнату. Захлопываю дверь, а там шпингалет. Шею сводит, на ней что-то липкое.

Эти дятлы долбят в дверь. А дверь вся такая хлипкая. На моей шее кровь, а в комнате этой висят два вымпела. И кровь цветом, как эти вымпелы. Это хороший знак, если бы она была цвета гранатового сока, тогда караул. Еще тут много книг, а у окна полиэтиленовые свертки,

не знаю, сколько, но количества хватит, чтобы я с разбегу прыгнул в окошко, наступив на них, как на ступеньки. Что только делается, а вроде бы обыкновенный лох Валентин. Щеночков-то не посмотрел – подвывает женщина и, кажется, смеется. В это мгновение прилетает топор. Он проходит над моей головой. И я бегу к подоконнику, наступая на свертки. Пинаю стеклину, она с радостным звоном куда-то туда осыпается. За спиной разлетается древесина. И я прыгаю в снег.

По-праздничному переливаются своевременные сирены. Интересно, это скорая или милиция? Сильные руки. Очень цепкие руки. Нежные руки, наверное, женские. Это еще что такое? Укол. Перестаньте. Помехи. Вам не мешало бы настроить радио, а то играет какая-то абракадабра. А еще у вас дует в окно, нестерпимо дует. Так и до ангины недалеко, между прочим. Я открываю глаза, меня куда-то везут в машине, за окном пролетает проспект, книжный, мой дом. На светофоре встали машины. А где-то совсем рядом заскулили собаки. Надо же предупредить маму – пытаюсь привстать, но меня спешно укладывают назад руки, цепкие руки.

Буратино для бабушки

Ты опять развалил советский союз – говорит мне бабушка с полотенцем на голове, больше одежды на ней нету. А полотенце такое с утятами, и они напоминают ту детскую песню про «танец маленьких утят». Бабуль, ты чего, ты опять, что ли с обострением своим, давай мы ляжем спать, а завтра будем строить союз вместе. Она недовольно морщит губы, которые, стоит заметить, сейчас накрашены. Она красит их, когда ей кажется, что красного цвета не хватает в нашей жизни. Но выпел на стене категорически не согласен с этим суждением, на нем нацеплены всякие разные значки: звезды, комбайн, Ленин, буквы ВЛКСМ. Я притушил красный торшер, и повел бабушку в ее комнату спать.

Она не хочет спать совершенно. Миша, у нас кончились яйца – говорит она, когда я надеваю на нее розовую ночную рубашку. Миша, купи домой лимонад, я хочу лимонад – говорит она, когда я кутаю ее в одеяло. Миша, ты собираешься идти в магазин? – смотрит жалостливо. А на часах уже показывается полночь. Там, на циферблате шуруется китайский котенок в кимоно. Бабуль, ну, тогда спи скорее, а когда я приду, тогда и попьешь своего лимонада. Тогда бери Буратино – говорит. Куплю-куплю. А ты точно купишь – проявляет недоверие бабушка. Конечно, а как же, я тебя не обманываю – успокаиваю. Как не обманываешь, а кто сто рублей вчера у меня вытащил? Так это у тебя опять из собеса враги вытащили – шучу я. А, ну, ладно, тогда купи мне Буратино и яйца – у нее начинают слипаться глаза. Ажиотаж проходит. Иду одеваться, чтобы пойти в универсам 24 часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.